павшей для этих целей от щедрых западных и региональных доноров – США, Саудовской Аравии, ОАЭ и некоторых других стран. Пакистанские власти, чтобы еще больше усилить зависимость беженцев от афганской вооруженной оппозиции, в октябре 1984 г. приняли решение передать в ее ведение все медицинские учреждения, предназначенные для лечения обитателей лагерей [28].

Присутствие афганских беженцев и афганской вооруженной оппозиции на земле Пакистана, вопреки намерениям его правительства и спецслужб использовать афганский фактор для реализации в регионе своих амбициозных, далеко идущих геополитических планов и расчетов, не только не принесло ожидаемых результатов, но, наоборот, значительно содействовав усилению политической напряженности и нестабильности в пакистанском обществе, обернулось на деле огромными потрясениями в устоях государственной власти в стране и судьбе ее верховных правителей (вспомним хотя бы судьбу генерала Зия-уль-Хака).

Афганские беженцы в Иране и других странах региона и мира

Как уже отмечалось выше, к концу 80-х годов XX в. в Иране, в силу разных причин и факторов, в основном, социально-экономического и военного характера, оказалось свыше 2 млн. афганских беженцев, в том числе в Хорасане – более 750 тыс. и в Систане и Иранском Белуджистане – не менее 250 тыс. человек [29]. Основными районами их расселения являлись Мешхед, Тегеран, Кум, Исфаган, Тайебат, Захедан, Шираз, Бендер–Аббас и некоторые другие места.

По социально-классовому составу афганские беженцы в Иране были представлены, главным образом, крестьянами, сельскохозяйственными рабочими, мелкими деревенскими и городскими ремесленниками и торговцами, безработными рабочими, а также состоятельными лицами из числа крупных землевладельцев, торговцев, духовенства и высокопоставленных чиновников прежних режимов. Численность последних значительно увеличилась с приходом в Кабуле к власти левых сил в апреле 1978 г. Среди мигрантов было много молодежи – выходцев из социальных низов. По национальности заметную часть афганских беженцев составляли таджики, хазарейцы, персы, белуджи и отчасти пуштуны из районов Герата, Хазараджата, Бадгиса, Бамиана, Гора, Фараха и Нимруза, а по религиозной принадлежности – в основном, шииты. Следует заметить, что из провинции Нимруз в Иран ежегодно уходили десятки тысяч сельских жителей из-за сезонных наводнений в низовьях р. Гильменд и в низменных местах, примыкающих к озерам Систана. Почти все беженцы из Нимруза оседали в городах Заболь, Захедан и некоторых других на юго-востоке Ирана. Подавляющая часть афганских мигрантов, уходивших в эту страну, не имела паспортов или иных документов, подтверждавших их личность.

В Иране, в отличие от Пакистана, большинство афганских беженцев, как и прежде, в начале 70-х годов, селилось не в лагерях, а по всей стране, на городских бедняцких окраинах. Богатые же афганские мигранты обосновывались в крупных городах, как правило, в центре, на западе и северо-востоке Ирана, где приобретали шикарные виллы и квартиры. Что касается афганских «нарушителей границы» из беднейших слоев населения (так их еще с 70-х годов называла иранская пресса), то они, чтобы заработать себе на жизнь и обеспечить существование своих семей, брались за любую, в том числе и самую тяжелую и непрестижную работу. Чаще всего они использовались в качестве дешевой рабочей силы в промышленности, строительстве и ремесленном производстве, в сфере быта и обслуживания, на сельскохозяйственных работах и в животноводстве. Значительная часть мигрантов занималась мелкой торговлей, кустарными промыслами, контрабандой, переброской и торговлей наркотиками (героином, чарсом, опиумом и др.) и разбоем [30]. Среди них было немало профессиональных убийц и грабителей.

В начале 80-х годов иранские власти приняли решение собрать афганских беженцев со всей страны и разместить их в специальных лагерях. Цели этого решения состояли в

следующем: создать более благоприятные условия для усиления политического и идеологического влияния среди мигрантов в духе стратегических установок иранского теократического руководства; обеспечить более широкие возможности афганских антиправительственных организаций и группировок для пополнения ими отрядов моджахедов людским составом; установить строгий полицейский надзор за жизнью, бытом и занятиями афганских беженцев и облегчить тем самым борьбу против их наркокурьеров и торговцев наркотиками, контрабандистов и различных криминальных элементов и группировок, чья деятельность в Иране приняла угрожающий размах; использовать факт создания по правительственной линии такого рода лагерей для получения широкой материальной и финансовой помощи от мирового сообщества и международных благотворительных фондов и организаций: и, наконец, что представлялось иранским правящим кругам немаловажным, продемонстрировать перед всем, особенно мусульманским, миром свою заботу о судьбе обездоленных афганских братьев по вере. С началом ирано-иракской войны афганские беженцы стали интересовать иранское теократическое руководство и как наемная боевая сила для пополнения своих вооруженных формирований. Легче всего реализовать данный замысел можно было, конечно, в условиях лагерного проживания беженцев.

Однако иранскому правительству вместе с лидерами афганской вооруженной оппозиции, обосновавшейся в Иране, так и не удалось осуществить планы по созданию широкой сети лагерей. Организовано было лишь их небольшое количество в районах Хорасана, Захедана и ряде других мест. В созданных в остане Хорасан трех лагерях (Кашмер, Гонабад, Сабзевар) было собрано к весне 1982 г. всего около 5 тыс. человек, тогда как к тому времени в указанном остане находилось не менее 300 тыс. афганских мигрантов [31]. К середине 1984 года на территории Ирана функционировали лишь 13 лагерей афганских беженцев [32].

Провал в осуществлении данного замысла иранских властей был вызван почти поголовным нежеланием мигрантов переходить на лагерную изоляцию и подвергать свою жизнь и здоровье невыносимым погодным и климатическим испытаниям и другим опасностям, связанным с проживанием на неблагоустроенных пустырях и в полупустынной местности, кишащей к тому же кровососущими насекомыми и ядовитыми пресмыкающимися (как сообщалось в иранских СМИ, только за одну ночь в одном из лагерей в Хорасане от укуса змей погибли более 30 человек).

В 1983 году иранские власти предприняли кампанию поголовной регистрации афганских беженцев и выдачи им удостоверений личности (иначе этот документ еще назывался «карточкой афганца» – «карт-е афагане»). При этом они строго предупреждались, что отсутствие такого документа лишает их права получения купонов на покупку дешевых потребительских товаров в государственных магазинах, получения различной благотворительной помощи, свободного передвижения по стране, найма на работу, поступления на учебу, права на медицинское обслуживание и т.п. Впрочем, и эта кампания не дала ощутимых результатов из-за боязни мигрантов быть перемещенными в лагеря или, что еще хуже, быть насильственно рекрутированными в боевые отряды афганской вооруженной оппозиции для последующей засылки в Афганистан. Их отказ от регистрации был в известной мере вызван еще и тем, что иранские власти требовали от каждого, кто получал удостоверение личности, сдать, вопреки его желанию, кровь в объеме 300–350 $см^3$ для лечения раненых на ирано-иракском фронте [33].

В 80-х годах иранское теократическое руководство использовало немалое число афганских мигрантов в боевых операциях на ирано-иракском фронте. Вовлеченные в различные группировки афганских моджахедов, действовавшие с территории Ирана, они сначала проходили военную подготовку в учебных центрах Корпуса стражей исламской революции (в Куме, Тегеране и других местах), а затем, прежде чем быть засланными в Афганистан, направлялись на «стажировку» на несколько месяцев на ирано-иракский фронт, где преимущественно использовались на наиболее опасных участках и в первых рядах наступающих войск. Тем не менее их денежное содержание составляло всего

лишь половину окладов иранских военнослужащих [34]. По данным на 1982 г., в боевых операциях на иранской стороне в тот период участвовало до 6 тыс. афганских моджахедов. В последующие годы их число на фронте не уменьшилось. Многие из них были убиты или ранены [35].

В Индии, по оценке министерства иностранных дел ДРА на 1984 год, проживало до 50 тыс. афганских мигрантов. Эта оценка значительно расходится с данными ООН. Так, бюро Верховного комиссара ООН по делам беженцев, открытое в Дели в мае 1980 г., к 1984 году зарегистрировало всего лишь около 6 тыс. афганских граждан и выдало им соответствующие документы (карточки беженца) и определенное финансовое пособие [36]. Представляется, что между оценкой афганского МИДа и данными ООН нет никаких противоречий. Дело в том, что далеко не все афганцы, оказавшиеся в те годы в Индии, нуждались в регистрации по линии ООН как ввиду их временного пребывания на индийской земле, так и по некоторым другим соображениям (см. об этом ниже).

Социальные и политические характеристики афганских мигрантов в Индии значительно отличались от тех, кто нашел убежище в Пакистане, Иране и ряде стран Персидского залива. Среди афганских граждан, проживавших и продолжающих проживать в этой стране, можно выделить следующие группы:

1. Афганцы, приехавшие в Индию задолго до Апрельской революции 1978 г. и занимающиеся, в основном, ростовщичеством. Время от времени они вынуждены были вступать в контакт с афганскими антиправительственными группировками и оказывать им определенную финансовую помощь. Однако такая помощь предоставлялась чаще всего не по идейным соображениям, а всего лишь с целью гарантировать свою безопасность во время деловых поездок в Пакистан, а также безопасность своих родственников, постоянно проживающих в Пакистане и Афганистане.

2. Крупные афганские бизнесмены, в том числе и далекие от политики, потерявшие после революции на родине свои прибыли и состояние. Располагая огромными капиталами в зарубежных банках, они занимались в Индии разного рода предпринимательской деятельностью.

3. Представители прежней высшей бюрократии и интеллектуальной элиты, покинувшие Афганистан вместе со своими семьями из-за опасений за свою жизнь при новом, левом режиме и по политическим мотивам. Они, как правило, регистрировались в качестве беженцев в делийском бюро Верховного комиссара ООН. Многие из них, получив визу в посольствах западных стран, а иногда и без нее эмигрировали в страны Европы и США, где получали статус беженцев или политических беженцев.

4. Молодые люди призывного возраста, принадлежавшие к состоятельным слоям и классам афганского общества. Они укрывались в Индии, чтобы избежать призыва на военную службу, а также в надежде получить образование за рубежом. По прибытии в эту страну большая их часть поступала на учебу в высшие учебные заведения и нередко вовлекалась в деятельность афганских антиправительственных группировок и их филиалов в Индии (Исламского союза, Исламского общества Афганистана, Исламской партии Афганистана, Афганской социал-демократической партии, Организации освобождения народов Афганистана (САМА), Союза афганских студентов и беженцев в Индии и др.). Какая-то часть афганских мигрантов, в том числе и молодежи, занималась контрабандой и сбытом наркотиков, воровством и разбоями, что вызывало недовольство широкой индийской общественности.

В целом, однако, на общественно-политическом и государственном уровне отношение к афганским пришельцам и левому кабульскому режиму было в Индии неоднозначным. Правые политические и религиозные круги (Джаната парти, Мусульманская лига, Союз добровольных служителей нации (РСС), Общество исламских богословов и др.) полностью поддерживали афганскую вооруженную оппозицию и действовавшие в стране ее филиалы, оказывали им моральную, политическую и финансовую помощь и поддержку и решительно осуждали «коммунистические» власти Кабула и советское военное присутствие в Афганистане. В то же время левые и демократические силы, включая

и Индийский национальный конгресс (И), последовательно и неизменно выступали в поддержку Демократической Республики Афганистан (Республики Афганистан) и ее руководства. После прихода в апреле 1992 г. к власти в Афганистане моджахедов, когда в Индию хлынули тысячи новых эмигрантов, в числе которых оказались преимущественно бывшие партийные функционеры и государственные деятели Республики Афганистан, представители интеллигенции и чиновничества, духовные и светские авторитеты – сторонники левого режима, индийские власти без каких-либо препятствий предоставили им политическое убежище, продемонстрировав этим свое доброжелательное отношение к афганским национально-патриотическим и демократическим силам и еще раз показав, что Индия в интересах национальной безопасности страны по-прежнему рассматривает события в Афганистане через призму своих отношений с Пакистаном.

Продолжающийся вот уже почти три десятилетия афганский кризис разбросал своих граждан буквально по всему свету, от Японии и Австралии до США и Канады. Часть афганцев, главным образом, выходцы из социальных низов, спасаясь от бед и несчастий гражданской войны, и в поисках заработка и куска хлеба нашла свое пристанище, кроме Пакистана, Ирана и Индии, также во многих арабских странах. По разным оценкам, численность афганских беженцев здесь характеризовалась к середине 80-х годов следующими данными: в Саудовской Аравии их было более 30 тыс. человек, Кувейте – до 6–7 тыс., Катаре – 4 тыс., Объединенных Арабских Эмиратах – 3 тыс., Ираке – 50 хазарейских семей, поселившихся в районе Кербелы, Сирии – от 600 до 800 чел. и 50 человек в Багдаде [37].

В Европе самая значительная по численности афганская диаспора образовалась в Федеративной Республике Германия. К середине 80-х годов в ней насчитывалось до 12,5 тыс. человек [38]. Это были, в основном, представители интеллектуальной элиты, чиновничества и крупного капитала и бывшие партийные, общественно–политические и государственные деятели [39]. Если брать во внимание мотивы их исхода из Афганистана, то можно в их среде четко выделить три основные волны эмиграции: первая (после антимонархического переворота) – 1973–1978 гг.; вторая (с приходом к власти в Афганистане левых радикалов) – 1978–1992 гг.; и третья (с захватом Кабула моджахедами) – после 1992 г. Прибыв в ФРГ, афганские эмигранты получают, как правило, статус беженцев или политических беженцев. Основными районами их проживания стали города Франкфурт-на-Майне, Гамбург, Кельн, Ганновер, Мюнхен и Бонн.

Афганская колония в ФРГ остается крайне неоднородной по своим политическим взглядам и пристрастиям и распадается на ряд враждующих между собой сообществ – от приверженцев ультраправых экстремистских группировок, выступающих за создание в Афганистане теократического государства, до демократических и леворадикальных сил, отстаивающих идеи и принципы строительства независимого, светского, демократического Афганистана. В настоящее время, при активном участии представителей третьего потока эмиграции, среди афганской диаспоры активизировалась деятельность демократических и национально-патриотических элементов. Во второй половине 90-х годов они основали в ФРГ ряд своих организаций (Общество афганских эмигрантов в Германии, Общество просветителей Афганистана, Общество национального возрождения и др.) и приступили к изданию новых газет и журналов – «Тасвир» («Картина»), «Рошани» («Свет»), «Растахиз» («Возрождение»), «Ноубахар» («Ранняя весна»). [40] Долгое время (до своей кончины) самой заметной политической фигурой в афганской диаспоре и ее эмигрантской прессе в Германии оставался бывший премьер королевского правительства Мухаммад Юсуф, приложивший немало усилий для решения афганской проблемы с национально–патриотических позиций.

Колония афганских эмигрантов в США не уступает по своей численности той, что сложилась в Германии. По свидетельству постоянного представителя ДРА при ООН Фарида Зарифа, только с начала 1980 по 31 января 1982 г. право политического убежища в США получили 6 тыс. афганцев [41]. В это же время на въезд в США ожидали визы от 5 до 6 тыс. афганских граждан, временно находившихся в Пакистане, Индии, ФРГ и Ита-

лии. К концу 1983 г. в США проживало в общей сложности до 11 тыс. афганских эмигрантов [42]. В дальнейшем их число заметно возросло. Иммиграционные службы США, действуя в соответствии с принятым на государственном уровне принципом строгой «выборочной иммиграции», допускали в страну исключительно тех лиц, которые потенциально могли быть использованы в интересах США как внутри страны, так и на мировой арене. В этом контексте действовали и американские спецслужбы. Они активно и целенаправленно, путем подкупов и обещаний райской жизни в «свободном мире» склоняли определенные категории высокопоставленных афганских лиц к протестной эмиграции с тем, чтобы этим фактом дискредитировать в глазах международной общественности кабульский «коммунистический» режим. При этом объектом особого внимания спецслужб США были известные афганские деятели культуры, государственные чиновники высокого ранга и, особенно, дипломатические работники.

По социальному статусу афганские эмигранты в США в своем подавляющем большинстве были представлены влиятельными государственными служащими, представителями элитарной интеллигенции и деловых кругов. Многие из них в прошлом имели связи со спецслужбами США, или работали на объектах, которые сооружались в Афганистане при американской технической и финансовой помощи, или получили образование в США, или же тесно сотрудничали с американским капиталом в сфере торговли и предпринимательской деятельности [43].

Наиболее заметными и влиятельными фигурами афганской диаспоры в США являлись Абдул Маджид Забули, старейшина крупного торгово-финансово-промышленного капитала Афганистана, бывший дважды (в 1938–1941 и 1948–1950 гг.) министром экономики королевских правительств; Сабахуддин Кушкаки, бывший издатель кабульской газеты «Караван» и бывший министр информации и культуры в кабинете премьер-министра Мусы Шафика; Абдуррахман Пажвак, бывший постоянный представитель Афганистана при ООН во время монархии; Абдул Вахед Карим, бывший посол Афганистана в Вашингтоне; Абдул Гафур Вакиль, бывший при М. Дауде губернатором провинции; профессор Исхак Надери, Хибибулла Маяр, председатель Общества афганских эмигрантов в Нью-Йорке; Васе Наби, бывший президент транспортной компании «Милли-бас» и др. [44] Почти все они не приняли либо антимонархический переворот 1973 г., либо приход к власти в Кабуле левых радикалов в 1978 г., либо то и другое. Исключением из упомянутых выше лиц являлся, пожалуй, лишь А.М. Забули, который, проживая в США, продолжал с симпатией относиться к национально–патриотическим силам страны и левому кабульскому режиму и, в частности, именно с последним связывал демократическое будущее своей родины [45].

Различные подходы к решению проблемы афганских беженцев

Глобальная идеологическая конфронтация двух мировых систем на мировой арене и интересы противоборствующих сторон, завязанных в афганском кризисе, придали проблеме афганских беженцев сугубо политический характер и обусловили два диаметрально противоположных подхода к ее решению.

Левый режим Кабула на всех этапах своего существования последовательно выступал за беспрепятственное и безопасное возвращение афганских граждан к своим родным очагам. Б. Кармаль, придя к власти в качестве главы государства и правительства, уже в первом своем радиообращении к народу 27 декабря 1979 г. заявил о твердой решимости обеспечить всем соотечественникам, которые в силу разных причин вынуждены были покинуть страну, «беспрепятственное и с достоинством возвращение на родину предков» [46]. 18 июня 1981 года президиум Революционного совета ДРА принял указ, по которому государство гарантировало всем возвращающимся в страну афганцам полную свободу и безопасность и необходимую помощь в обустройстве в местах их жительства и в получении работы [47]. Положения данного указа были значительно развиты и конкретизированы в Заявлении правительства ДРА от 24 августа 1981 г., [48] а год спустя,